

Сравните, напримѣръ, размышленія Левина, съ философскими статьями гр. Толстого, и вы ясно убѣдитесь въ этомъ. То положеніе, въ которое поставлены дѣйствующія лица, дѣлаетъ вполне понятнымъ, правдивымъ и реальнымъ то, что они думаютъ, здѣсь нужна не абсолютная, не метафизическая истина, а правда художественная и психологическая, и мы не можемъ не видѣть и не понять ея въ этихъ образахъ. Въ теоретическихъ статьяхъ гр. Толстого, наоборотъ, сквозь мнимую отвлеченность и логичность его положеній то и дѣло проглядываетъ субъективное настроеніе.

Гр. Толстой даже и не старается быть спокойнымъ и объективнымъ. „Мыслитель и художникъ никогда не будутъ спокойно сидѣть на Олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать. Мыслитель и художникъ долженъ страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе и утѣшеніе“.

Что мыслители и художники должны часто страдать больше другихъ, это вѣрно и обуславливается большею чувствительностью ихъ темперамента; но чтобъ ихъ произведенія и выводы должны были быть результатомъ именно этихъ страданій, нельзя утверждать безъ явной натяжки: это все равно что утверждать, что судья, чтобы постановить справедливый приговоръ, долженъ негодовать на преступника или жалѣть о немъ, или хирургъ, чтобы хорошо сдѣлать операцію, долженъ страдать вмѣстѣ съ больнымъ.